

ДВА КОНЦЕРТА

1. П. И. Чайковский

Программа концерта, состоявшегося на днях в помещении Театра оперы и балета, была весьма многообещающей: 6-я симфония, фантазия «Ромео и Джульетта» и финал 4-й симфонии, — все П. И. Чайковского.

Оркестром дирижировал заслуженный деятель искусств СССР — С. Орланский.

6-я симфония — последнее детище великого русского композитора, про которое он писал: «В симфонию эту я вложил без преувеличения, всю мою душу». Она безукоризненна по форме и является вершиной в области симфонической музыки. Кроме того, она программна, и программность ее чрезвычайно глубока. В ней раскрывается мировоззрение не только самого автора — натуры в высшей степени сложной и многогранной — но и целого поколения русской интеллигенции 70—90-х годов.

Вот почему, приступая к работе над ней, дирижеру следует много трудиться над раскрытием того идейного материала, который заложен в этом произведении. В симфонии все многозначительно и весомо. В одном из писем Чайковский называет ее «наискреннейшей» из всех своих вещей; в ней нет такта, который бы не говорил о многом, что мучительно вынашивалось Петром Ильичем и тревожило его. В другом письме, упомяная о своей музыке, Чайковский пишет: «Мне всегда есть что сказать». И если каждым своим произведением Чайковский всегда что-то говорит, то последняя его симфония, безусловно, — исповедь композитора.

Отсюда ясно насколько серьезно надо подходить дирижеру к этому произведению. Слушая «Патетическую», мы вправе требовать от дирижера, если не открытий, то хотя бы корректного исполнения узаконенных традиций.

Услышанное нами на концерте свидетельствует о том, что дирижер не осознал серьезности стоящей перед ним задачи. Получилась странная вещь: наиболее содержательное музыкальное произведение прозвучало бессодержательно. «Исполнения» симфонии не было; это была гладко «сыгранная по нотам» вещь, что объясняется достаточной квалификацией оркестра, но мысль отсутствовала, и мы не почувствовали взволнованности дирижера тем, что он собирается поведать.

Первая часть, которая по идейному и гармоническому богатству и по своей масштабности могла бы представлять собой замечательное самостоятельное произведение, — никакого впечатления не произвела.

Вторая часть, полная изящества, легкости, была и не изящна и не легка. Середина ее, столь очаровательная по своей безыскусственной грусти, почему то прошла в необоснованно убыстренном темпе.

Те же темпы были и в третьей части. Знаменитая маршеобразная тема прозвучала легковесно, так как не было сделано четкого звукового нарастания в подходе к ней и была допущена неприятная резкость медных инструментов.

Если Анданте первой части симфонии является, быть может, самым прекрасным (по ликованию и влюбленности

в жизнь...) из всего, что написано Чайковским, то Адажио ламентозо — финал симфонии — это безусловно наиболее скорбное из всего, что мы знаем в музыке. И Орланский правильно начал его, но скоро, найденная звуковая и эмоциональная насыщенность, уступили место прежней бессодержательности исполнения.

С. Орланский провел симфонию безучастно и механически. А этого делать нельзя и особенно с Чайковским. Также неинтересно были сыграны: «Ромео и Джульетта» и финал 4-й симфонии.

2. Григ и Дебюсси

Организованный 13 июня филармонией камерный концерт начался с выступления пианиста Германа Брауна, который исполнил две фортепьянные прелюдии Дебюсси. Пианисту хорошо удалось обе вещи — он великолепно передал как ироническое лукавство «Прерванной серенады», так и красочную картинность «Фейерверка». Остается лишь пожалеть, что Герман Браун ограничил свое выступление только этими двумя прелюдиями Дебюсси.

Проф. Карл Брикнер (скрипка) и Герман Браун с большим вкусом сыграли увлекательную сонату Дебюсси для скрипки и фортепьяно. Исполнители тонко прочувствовали это деликатное произведение. Хорошо были переданы основные настроения сонаты — завораживающая атмосфера первой части, причудливая игра звуков своеобразного «скерцо», слегка завуалированное бурное движение финала.

Вторая половина программы была посвящена произведениям Грига.

Солистка Государственного театра оперы и балета Латвийской ССР Анна Лудья (меццо-сопрано) обладает сильным и сочным голосом. Артистка провела камерную программу с под-

Однако, нельзя не отметить в вечере одного отрядного явления, частично вознаградившего нас за огорчения: мы говорим о виолончелисте Э. Берзинском. Только очень большой артист может так сыграть вальсообразную тему второй части и финал первой части 6-й симфонии. Вот так настоящий художник должен уметь отдаваться тому, что им исполняется, так понимая то, о чем хочет сказать автор, и с такой взволнованностью интерпретировать его замысел.

Вл. Таскин.

линым художественным тактом. Шесть романсов Грига в ее исполнении прозвучали, как ряд очаровательных лирических миниатюр, различных по настроению, но единых по возвышенности поэтических переживаний. Особенная удача артистки — романсы: «Сон», «Жизненный путь» и «Надежда».

В заключение концерта была исполнена виолончельная соната Грига, Исполнители — доцент консерватории Эвальд Берзинский (виолончель) и Герман Браун — развернули перед слушателями богатую пленительными подробностями взволнованную романтическую повесть. Вся соната была сыграна очень выразительно и свободно, но совершенно изумительно прозвучала вторая тема финала.

Этот интереснейший концерт собрал, к сожалению, не весьма большую аудиторию, возможно потому, что в тот же вечер в зале оперного театра проходил симфонический концерт из произведений Чайковского. Подобные параллелизмы нельзя допускать без ущерба для интереса слушательской массы.

В. Леонидов.